
ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.4

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

На основе институционального и историко-материалистического подходов предлагается социологический взгляд на объяснение социального механизма регулирующего воздействия государства на развитие экономики. Утверждается, что регулирование экономическими институтами и организациями есть сложный диалектический процесс взаимодействия органов государственного управления и социальных групп (классов), реализующих свои экономические интересы. В частности, делается попытка ответить на ряд актуальных вопросов об источниках и механизмах развития экономических институтов, о тех или иных социальных группах, заинтересованных в их появлении или исчезновении, о соответствии или несоответствии этих интересов экономическим потребностям страны.

Ключевые слова: регулирующее воздействие государства; социальные группы; классы; институциональный подход; экономические и социальные институты; организации; социальные революции; социальная сила; группы или классы; глобализация.

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Государство как субъект регулирующего воздействия на развитие экономики: возможности и ограничения (социологический анализ). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019; 2:26–35.

For citation:

Smirnov VE. The state as a subject of regulatory impact on the development of the economy: opportunities and limitations (sociological analysis). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:26–35. Russian.

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher.
smirnoffv67@gmail.com

THE STATE AS A SUBJECT OF REGULATORY IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

V. E. SMIRNOV^a

^a*Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

On the basis of the institutional and historical-materialist approaches, a sociological perspective is proposed to explain the social mechanism of the regulatory influence of the state on the development of the economy. It is argued that the regulation of economic institutions and organizations is a complex, dialectical process of interaction between government bodies and social groups (classes) that realize their economic interests. In particular, an attempt is made to answer a number of topical questions about the sources and mechanisms for the development of economic institutions, those or other social groups interested in their appearance or disappearance, on the conformity or nonconformity of these interests with the economic needs of the country.

Keywords: regulating influence of the state; social groups; classes; institutional approach; economic and social institutions; organizations; social revolutions; social force; groups or classes; globalization.

Регулирующее воздействие государства на развитие экономики является нормой для современного цивилизованного мира. При этом регулирование осуществляется как через выработку законов и нормативных актов, так и посредством прямого экономического регулирования и разработки программ поддержки конкретных направлений и сфер хозяйственной деятельности. Оно выражается в том числе в применении так называемых экономических рычагов: регулировании цен и тарифов, монетарной и в целом кредитно-финансовой политики, налогов, пошлин и др. Обычно цели и задачи регулирующего воздействия государства претендуют на научное обоснование. Поэтому когда к проблеме государственного регулирования экономики обращаются ученые-экономисты, то речь в первую очередь идет о тех мерах экономического характера, которые государство реализует в отношении различных отраслей экономики. Когда к данной проблеме обращаются юристы, то речь идет о всевозможных законах, указах и декретах, подзаконных актах и распоряжениях, которыми регулируется экономическая деятельность. Социологический же взгляд направлен на государственное регулирование экономики как на процесс реформирования экономических институтов, понимаемых в самом широком смысле как разновидности социальных институтов вообще. Соответственно, перед социологом возникают совсем другие вопросы: как и почему эти экономические институты появляются и исчезают? какие социальные группы заинтересованы в их появлении или исчезновении? деятельность каких групп осуществляется в рамках этих институтов? соответствует она экономическим интересам страны или нет?

Для социолога было бы странным полагать, что исключительно власть в соответствии со своими представлениями и принятыми теориями конструи-

рует экономические институты. Ведь социальные институты и, в частности, экономические институты есть типизированные комплексы человеческого поведения, определяемые общим уровнем развития общественного производства, а также типом доминирующих экономических отношений, местом общества в мировой системе разделения труда, общественными представлениями и многим другим. Причем, с точки зрения социолога, все эти факторы реализуются через деятельность социальных групп с их социальными, в данном случае – экономическими, интересами. Естественно, возникает вопрос: может быть, власть вообще не имеет отношения к созданию, функционированию и ликвидации экономических институтов? Такой односторонний подход, конечно, тоже неверен, что очевидно наблюдается как в непосредственной управленческой практике государственных органов, так и в многочисленных исторических примерах. Скорее, нужно говорить о создании и регулировании экономических институтов и организаций как о сложном диалектическом процессе в обществе, где взаимодействуют органы государственного управления и социальные коллективы (группы), реализующие свои интересы. В этом суть социологического подхода к пониманию механизма регулирующего воздействия государства на развитие экономики.

Не менее важным вопросом является для социолога проблема развития системы экономических институтов общества, ибо только в развитии возможно достаточно полное и адекватное изучение предмета исследования. Поэтому социолог, когда задается проблемой социальных изменений, в частности экономических, прежде всего определяет их источник. Опираясь на институциональный подход и принципы диалектики, можно допустить, что таковым является противоречие между

постоянно меняющимися институтами (моделями устойчивых социальных взаимодействий) и организациями (стабильными организационными формами, в той или иной степени воплощающими эти модели в общественной практике). Указанное диалектическое взаимоотношение достаточно сложно. Признавая, что основное противоречие возникает вследствие развития, перманентной эволюции социальных институтов, которым по мере их изменений все менее соответствуют конкретные организационные формы человеческих взаимодействий, нельзя не отметить, что это непростое взаимоотношение, поэтому в истории можно встретить также и обратное влияние организационных форм на социальные институты.

В данном контексте социальный институт выступает как диалектически развивающаяся система, основанная на перманентном взаимодействии и типизации форм практической деятельности, порождающих в общественном сознании идеальные представления – институты, которые в конечном счете определяют архитектуру формальных организационных форм (организаций) человеческой деятельности с точки зрения тех или иных социально-групповых и классовых интересов. Поэтому социальный институт представляет собой пространство данного взаимодействия и развития вследствие противоречия между постоянно обновляющимися формами практической деятельности, возникающими на их основе институтами и устаревающими формальными организациями, за которыми стоят групповые интересы.

Схематично этот механизм можно описать следующим образом. Источником социальных изменений и, в частности, изменений в институциональной сфере является развитие общественного производства, а конкретно – средств производства и людей с их знаниями и навыками. Так как в процессе производства люди вступают в отношения с другими людьми, то можно сказать, что человеческий труд имеет совместный характер и в этом смысле является общественным трудом. Соответственно изменениям в процессе общественного производства, обусловленным трансформациями в производительных силах, изменяются отношения между людьми и социальные отношения в целом. Регулярное повторение определенных форм взаимодействия, детерминированное типизацией трудовых процессов, приводит к типизации форм взаимодействия людей. Эти типизации закрепляются в форме институций – представлений о должных (само собой разумеющихся) формах взаимодействия в рамках той или иной общественно значимой деятельности [1, с. 22–33]. Более того, со временем эти институции подвергаются, по словам П. Лукмана и Т. Бергера, процедуре «объективации второго порядка» [2, с. 52]. В рамках этой процеду-

ры производится осознанная легитимация существующих институтов, их осознание и обоснование средствами науки, религии, идеологии и т. п., в результате чего появляется первое противоречие – противоречие между новыми формирующимися институтами и господствующими, легитимированными в обществе социальными и, в частности, экономическими институтами – объективациями прошлого опыта.

Но, поскольку отношения, связанные с производством, являются базовыми, изменения в них в конечном счете приводят к расшатыванию и делегитимации господствующих институализированных отношений и самих институций. Вслед за институтами, связанными с общественным производством и, в частности, с производственной деятельностью, где важнейшим институтом выступает институт собственности, делегитимируется вся система институциональных представлений, ценностей и идеалов. А на смену ей приходит и утверждается новая система социальных институций, основывающихся на новом состоянии общественного производства. И эта новая институциональная система вступает в противоречие с системой организаций, выстроенных на базе старой институциональной системы. Как правило, организации конституируются как своеобразный продукт общественного договора о фиксированных нормах и правилах взаимоотношений людей в процессе исполнения ими общественно значимых социальных функций на базе институций (институциональных представлений) и в условиях конкретного социально-классового баланса интересов.

Все это приводит к тому, что в процессе типизации новых форм взаимодействий появившиеся на их основе социальные институции вступают в противоречие с прежними организационными формами, которые обладают немалой устойчивостью по той причине, что в их существовании заинтересованы люди, состоящие в этих организациях. Причем чем выше их статус в организациях и обществе в целом, тем с большей энергией они отстаивают неприкосновенность организации и тем большие ресурсы способны привлечь в борьбе за свое место в обществе. Условно говоря, директор департамента будет до конца бороться за существование своего департамента. При этом эффективность организационных форм, просто потому что они «неудобно» исполняют свои социальные функции, резко снижается, а в рамках самих организаций утверждаются разного рода «серые» схемы, более «удобные» в новом состоянии экономических отношений, чем официальные, правила и нормы. В конечном счете устаревшие формы будут обязательно снесены, так как они мешают общественному развитию, а точнее, развитию общественного производства, и потому с утверждением

новых институций эти организационные формы теряют легитимность в глазах общества и, более того, воспринимаются как враждебные. Другой вопрос: как именно произойдет ликвидация устаревших организаций и организационных форм? Она может осуществляться как революционным путем, так и путем реформ. В этой ситуации роль государственных органов заключается в первую очередь в своевременном реформировании организаций и организационных форм, в ликвидации устаревших и мешающих общественному развитию организаций.

С учетом данного понимания обоснование социального механизма государственного регулирования экономической деятельностью в стране строится исходя из анализа проблемы взаимодействия общества (в лице различных социальных групп с их потребностями и интересами) и органов государственного регулирования в процессе формирования, функционирования и прекращения деятельности экономических институтов и организаций. И в этом плане необходимо обратить внимание на такой субъект социально-экономических изменений, как социальные группы (или классы). Несмотря на то что классовая теория сегодня не в моде, невозможно отрицать, что в обществе существуют разные социальные группы с разными потребностями и интересами. Эти интересы могут совпадать, а могут и вступать в противоречие с интересами других социальных групп. Если выделять социальные группы по экономическим показателям (по месту в системе разделения труда, системе отношений собственности, системе производства и обмена), то речь будет идти об экономических интересах этих групп, которые, в свою очередь, порождают интересы политического свойства. Данные социальные группы обладают определенной социальной силой в обществе, которая зависит от трех факторов: относительной численности, роли и места в общественном производстве и, соответственно, размера получаемого дохода и социального самосознания.

Под социальным самосознанием подразумевается осознание индивидом или социальной группой своих интересов и осознание своего единства в этих интересах с другими представителями данной группы. Социальная сила подобного коллектива обеспечивает ему возможность перестраивать способы социальных взаимодействий в обществе и социальную политику в целом соответственно своим интересам. Собственно, баланс указанных характеристик и определяет относительную социальную силу группы. При этом численность – наиболее очевидная характеристика. Однако не менее очевидно и то, что весьма многочисленные группы (классы) трудящихся (например, крестьяне, рабочие или другие массовые категории служащих) се-

годня не обладают социальной силой, достаточной для изменения социальных отношений в своих интересах: хотя они и имеют относительно высокую численность, по двум другим критериям их положение является слабым. В общественном производстве они выполняют подчиненную роль (в терминах трудовой теории стоимости они продают свою способность к труду), а размер получаемого ими дохода низок. Неудивительно, что идеологи классовой борьбы постулируют как основную задачу осознание этими группами (классами, согласно марксистской теории) своих интересов и своего единства как необходимого фактора для приобретения социальной силы, т. е. способности к изменению общественных отношений.

Вторым важным фактором, определяющим вес (значимость) социальной силы, является роль и место той или иной социальной группы в общественном производстве. Он значим потому, что с появлением общественного разделения труда в обществе возникают две основные группы: «Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д.» [3, с. 226]. Причем с развитием производства и усложнением технологий простой совместный труд, ставший основным фактором общественного производства, приобретает все более абстрактные черты и нуждается в управлении со стороны.

На заре развития человечества в сфере общественного производства разделение на руководителя и подчиненного просто не имело смысла. В эпоху господства аграрного хозяйства крестьянин не нуждался в стороннем организаторе крестьянского труда, а описанный выше класс, свободный от непосредственного производительного труда, выполнял другие функции: например, организовывал общество для ведения войны или масштабного строительства. В эпоху индустриального капитализма рабочий, продающий свою способность к труду, напротив, нуждается в руководителе, ибо в своем труде рабочий настолько отчужден от смысла и порядка труда, что не может трудиться без руководителя (речь идет о проявлениях отчуждения труда по Блонеру, который показал, что в индустриальном обществе работник испытывает в процессе труда чувства беспомощности, самоотчуждения, изоляции и бессмысленности своей деятельности) [4, с. 260].

Нужно сказать, что институт частной собственности является основным инструментом организации взаимоотношений между трудящимися массами и руководящим классом: сам факт собственности на средства производства предполагает

право и возможность руководить теми, кто нуждается в них для осуществления трудовой деятельности и пропитания. В аграрную эпоху таким средством производства была земля и, соответственно, вся экономическая система общества базировалась на поземельных отношениях, на формах владения землей. Со временем такие средства производства, как заводы и фабрики, стали играть в экономическом обороте более значимую роль, чем земля, и отношения организации труда трансформировались, обусловив изменение господствующих форм частной собственности. Таким образом, в соответствии с постепенным становлением этих взаимоотношений (от самых архаичных в древнейших обществах до полностью развитых в индустриальном капиталистическом обществе) также развивалась и частная собственность.

Если обобщить сказанное выше, то можно понять, что социальные группы (или классы), благодаря владению собственностью или на других основаниях осуществляющие руководство, самой своей деятельностью воспроизводят существующий тип общественных отношений, поэтому заинтересованы в его сохранении и держат в руках рычаги, с помощью которых общественные отношения можно либо реформировать, либо консервировать в своих интересах. Это важный фактор, обеспечивающий данной группе ее социальную силу, и, естественно, богатство, т. е. высокая доля распределяемых доходов, связанная с местом в системе общественного производства, играет немалую роль.

Однако есть еще одна проблема. Дело в том, что весьма важна готовность масс подчиняться господствующим и руководящим группам. Речь идет о благожелательном (а не вынужденном) согласии управляемых. Господствующая группа (класс) в состоянии навязывать всему обществу свои представления о должном и правильном, обеспечивать благожелательное согласие остальных именно благодаря возможности оплачивать в своих интересах труд интеллигенции. Последняя, согласно обоснованной позиции А. Грамши, артикулирует мировоззрение и ценности господствующей группы (класса) и транслирует их в преобразованных и понятных (доходчивых) формах широким массам населения. К тому же показательное потребление господствующих групп во многом формирует пирамиду потребностей, которая также является немаловажным фактором в системе, ориентированной на консервацию социальных отношений в выгодной для означенного класса конфигурации.

Последним по порядку, но не по значению, является такой фактор, как социальное самосознание. Он связан, во-первых, с осознанием своих объективных интересов и, во-вторых, как следствие, с осознанием своего единства в этих интересах с представителями своей социальной группы

(класса). Как уже было сказано, этот фактор классики марксизма полагали основным для переустройства общества в интересах трудящихся классов. Однако историческая практика демонстрирует нам, что свои интересы прежде осознают группы (классы), которые в системе общественного разделения труда занимают господствующее, руководящее положение. Это связано с тем, что именно они транслируют свое мировоззрение обществу, а не принимают чужое, и поэтому их интересы не скрыты для них самих. Более того, их мировоззрение и интересы формулируются профессиональной (гуманитарной) интеллигенцией (собственно, в этом заключается одна из основных функций социально-гуманитарной науки – в артикуляции мировоззрения и интересов господствующего класса или, наоборот, андеграундных социальных групп и классов). Кроме того, руководящая роль в значительной мере заключается в навязывании всему обществу того типа социальных взаимоотношений, который закрепляет эту роль и отражает социальную суть господствующей группы или класса (понятно, что феодальный класс навязывает и оберегает тип социальных взаимоотношений, свойственный феодальному обществу, а буржуазный класс, соответственно, – капиталистическому).

Все эти факторы обеспечивают то, что называют социальной силой той или иной группы или класса. Например, в эпоху постепенного становления господства буржуазии проявились все три этих фактора. Во-первых, очевиден численный рост буржуазии относительно феодального класса. Если в эпоху расцвета феодализма лишь незначительное количество протобуржуазных элементов проживало в небольших городах, то с развитием буржуазных отношений и сами города вернули себе размеры, известные еще с древнеримских времен, а часто и стали превосходить их, и буржуазные слои существенно выросли. Во-вторых, решительно изменилась роль молодой буржуазии в общественном разделении труда. В эпоху расцвета феодализма протобуржуазные элементы в лучшем случае только посредничали в форме торгового капитала в ничтожном по масштабу обмене между основными производящими единицами – феодальными поместьями, ведущими по большей части натуральное хозяйство. Со временем товарно-денежный обмен, найм рабочей силы и иные отношения, ставшие социально-экономической базой развития капитализма, проникли во все сферы общественного производства и, постепенно превращаясь в основные, оставили элементы натурального хозяйства на периферии общественных отношений. В-третьих, деятельность интеллектуалов того времени – сначала в религиозной форме (протестантизм), а затем и в светской (французское Просвещение) – обеспечила осознание буржуазией как классом своих

интересов и, соответственно, своего единства. Все это позволило ей интенсивно заняться переустройством общества в своих интересах, т. е. трансформацией системы социальных отношений путем освобождения от устаревших форм производственных взаимодействий и социальных отношений, освоенных традицией и связанных с феодализмом.

Но каким образом? Обыкновенно речь идет о революции как о смене общественного устройства силовым путем. Это представление о революциях не совсем верно. Сегодня под революциями принято понимать хаос и разруху, организованные кучкой революционеров – авантюристов, террористов, анархистов и т. п. Однако на самом деле революции начинаются с краха, разложения старого порядка, с ситуации, когда в рамках прежних общественных отношений, или, иначе говоря, старой системы социальных взаимодействий, становится невозможным осуществление общественного производства и хозяйственной жизни на адекватном исторической ситуации уровне. Ведь экономические институты – это, если говорить упрощенно, типичные способы организации совместной деятельности людей в процессе общественного производства. Когда они перестают соответствовать условиям производства, в кризисном состоянии оказывается сама возможность общественного воспроизводства. Но, поскольку производственная деятельность есть базовое условие человеческого существования, в кризисе оказываются и социальные формы (институты), обеспечивающие общественное производство. Общество разрушается, разваливается, а социальные взаимодействия в базовой – производственной – сфере слишком затрудняются. Это значит, что не революционеры разрушают общество – они просто становятся влиятельной силой в обществе, разрушенном по объективным причинам.

Впрочем, нас интересуют не те революции, где общества проходят через развал и «пересборку», а социальные революции мирного, реформаторского типа. Собственно говоря, их обычно и не называют революциями. Нам они интересны потому, что позволяют увидеть, как взаимодействуют разные группы, обладающие социальной силой и своими конкретными интересами, с государством как системой власти. Рассмотрим, например, эпоху реформ в Швеции, когда из феодальной страны она превратилась в преуспевающее буржуазное государство.

До Северной войны с Россией Швеция была могучей североευропейской империей, а после многолетней войны и поражения в ней обеднела и некоторое время продолжала оставаться экономически отсталым аграрным государством с сословным обществом и абсолютистской политической системой, но быстро пришла в норму. Попытки буржуазных

элементов, связанных с партией «колпаков» (колпак – головной убор буржуа того времени), в противовес партии «шляп», отражающей интересы дворян-землевладельцев, провести через риксдаг (сословный парламент Швеции) некоторые буржуазные реформы провалилась и, более того, привели к поражению буржуазии и к аристократической реакции. Вследствие этого была принята новая конституция, усилившая власть короля и аристократического государственного совета. Новая же история Швеции началась с 1820–30-х гг., когда повысился спрос со стороны Англии, Голландии и других стран на строительный лес и шведское железо. Экспорт леса в больших объемах привел к бурному строительству паровых лесопилок и, соответственно, появлению сложных технологий, а производство железа – к росту выработки железных изделий внутри Швеции, что увеличило производительность сельского хозяйства и способствовало его укрупнению. Эти факторы и демографический рост обусловили переизбыток населения, его миграцию в города и развитие промышленности. К середине столетия промышленная буржуазия усилилась настолько, что смогла сначала потеснить, а затем и победить старую, полуфеодальную земельную аристократию даже в феодальных государственных органах. Значимым результатом этой борьбы стали реформы в экономике и социальных институтах. Наверное, нет смысла скрупулезно описывать процесс либеральных реформ от 1840-х гг., начала правления короля Оскара I, год за годом менявших страну, до реформ, связанных с именами Л. де Геера и Ю. Грипенстедта и появлением в 1866 г. не сословного, а буржуазного двухпалатного парламента. Можно лишь сказать, что в конечном счете в Швеции произошла социальная революция.

Нас интересует процесс, в рамках которого новая социальная сила (растущая буржуазия) не просто явочным порядком, в результате эволюции экономической жизни и трансформаций в сфере производства, а фактом проникновения в политическую сферу меняла систему общественных отношений в стране. Все попытки консерваторов, представляющих интересы сословной аристократии, остановить преобразования, пропали втуне, несмотря на тактические успехи, а сам состав таких органов, как государственный совет и риксдаг, постепенно сменился, и они превратились из оплота феодального консерватизма в органы власти буржуазии.

Но вернемся к источнику всех этих изменений. Была ли это воля прогрессивных королей или мудрых реформаторов? Очевидно, нет. Источником социальных преобразований в Швеции были изменения в производственной сфере, в частности в производительных силах: благоприятная экономическая конъюнктура, породившая или уси-

лившая социальные группы (классы), заинтересованные в обновленной системе экономических и социальных отношений. Чем более эти группы захватывали политическую власть, тем более конкретизировались их интересы и тем более конкретными были их государственные действия в экономической сфере. Появление рынков сбыта для шведского леса и железа – вот источник социальных изменений в шведском обществе.

Подобную ситуацию, связанную с явлением так называемого китайского экономического чуда, можно наблюдать и в современном Китае. Многие задаются вопросом: «С чего именно началось успешное движение КНР по капиталистическому, если без экивоков, пути?» На самом деле, никакой тайны в этом нет. Начальная точка данной траектории лежит в решительном потеплении отношений КНР и США в 1970-х гг., причем в первую очередь в силу политических причин: речь шла о союзе против СССР. Решение вопросов экономического взаимодействия между обеими странами было вторично. Можно, конечно, полагать, что Дэн Сяопин вдруг, после десятилетий развития страны по определенной траектории, в 1978 г. начал реформировать китайскую экономику. Однако вряд ли случайно совпадение начала реформ и подписания Соглашения о торговых отношениях КНР и США 1979 г., согласно которому стороны предоставили друг другу статус наиболее благоприятствуемой страны, причем очевидно, что текст договора готовился задолго до его формального подписания.

Реформы Дэн Сяопина имели смысл только при одном условии – наличии рынков сбыта. Капитализм развивается тогда, когда капиталистическая экономика имеет рынки сбыта. Наличие рынков является источником успеха капиталистического развития, а по сути, единственным источником. Таким образом, на рубеже 1970–80-х гг. для китайских производителей были открыты громадные американские рынки. Только вследствие этого в китайскую экономику стало выгодно инвестировать по той причине, что произведенное в Китае было куда продать. Даже дешевая рабочая сила стоит на втором месте, поскольку стран с дешевой рабочей силой много, а вот стран, допущенных на самый большой на тот момент рынок в мире, куда меньше. Согласно данным «Белой книги» китайско-американских отношений, «по статистике Китая в 1979 г. объем китайско-американской торговли составил 2,45 млрд долларов США, в 1996 г. – 42,84 млрд долларов. Совокупный объем торговли за 18 лет составил 260,6 млрд долларов. С 1979 г. США стали третьим, а в 1996 г. – вторым крупнейшим торговым партнером Китая. <...> Согласно статистике Китая и США, в 1996 г. товары из США составили 11,6 процента общего объема импорта Китая, товары из Китая составили 5,42 про-

цента общего объема импорта США. Соединенные Штаты стали одним из наиболее быстрорастущих рынков сбыта китайских товаров, а Китай, в свою очередь, стал для США одним из наиболее быстро растущих рынков экспорта» [5].

Впрочем, нас интересуют социальные последствия разворачивающихся процессов, которые заключаются в том, что родился и вырос класс китайской буржуазии, причем как мелкой, так средней и крупной. Решительно выросло ее влияние. Именно наличие социального класса, заинтересованного в определенных правилах игры, стало источником институциональных изменений и их законодательного оформления. Сами по себе никакие законы не могут работать, и как бы хороши ни были законы и правила, без влиятельных социальных групп, прямой интерес которых заключается в соблюдении этих правил и контроле за их исполнением, такие законы превратятся лишь в благие пожелания. Они будут нарушаться всеми способами, и первую скрипку здесь будет играть коррупция.

У читателя может создаться впечатление, что государственное регулирование, по сути, и не нужно или, вернее, должно быть всего лишь политическим выражением воли влиятельных социальных групп (классов). Но это не совсем так. Мы уже говорили о том, насколько важным является осознание крупными социальными группами своих интересов и своего единства в них. Однако существует и другая сторона вопроса, которую К. Маркс определил следующими словами: «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов» [6, с. 54]. Это говорит о том, что определенные интересы, связанные с противостоянием иным группам и классам, осознаются значительно быстрее, чем другие, с этим противостоянием не связанные. Последние могут и вовсе не осознаваться. Соответственно, сами по себе они редко артикулируются, поэтому их непросто воплотить в виде законов, норм и конкретных социальных форм. И здесь важна роль государства, которое функционирует в том числе и для того, чтобы, выражая интересы влиятельных групп, согласовывать их и придавать им конкретную форму, конкретное выражение. Более того, отдельные представители и даже политически активные группировки господствующего класса часто преследуют только свои непосредственные интересы и ставят себе тактические цели, тогда как государство, как правило, преследует цели стратегического характера.

Например, известны поистине революционные реформы Петра I. В научной исторической литературе прошлого (впрочем, такая позиция встречается до сих пор) реформаторская деятельность царя

представляется как волюнтаристская, независимо от того, как оценивает конкретный историк его деятельность: как благо или как зло. Как будто Петр I вследствие жизненных перипетий, связанных с правлением сестры, знакомства с представителями Немецкой слободы (Кукуя) и иными частными событиями, выдумал себе идеальный план реформ и претворил его в жизнь, при том что страна лишь пассивно и покорно выполняла все петровские приказы.

В действительности ситуация была совершенно иная. Петр I смог одержать победу над правительством Софьи и осуществить свои реформы только благодаря тому, что выражал не только специфические интересы мелкого и среднего дворянства, но и интересы всего общества. Дело в том, что по завершении Смутного времени конца XVI – начала XVII в. оказалось, что далеко не все социальные противоречия, вызвавшие кризис в обществе, были решены. Несмотря на то что материальное положение мелкого и среднего дворянства благодаря утверждению крепостного права упрочилось, социально-иерархические претензии этого класса не были удовлетворены и, более того, лишь усиливались. В противовес им существенно ослабленная еще в Смуту старая титулованная аристократия все же сохранила свои господствующие позиции, но в архаичных формах, что резко ограничивало возможности социального возвышения дворянства. Хотя местничество было отменено Земским собором 1682 г., т. е. еще в детские годы Петра, элементы этого явления фактически существовали еще не одно десятилетие, особенно на периферии. В то же время эти правовые формы ограничивали и царскую власть, что не удивительно, ибо указы и иные законодательные акты, принятые прежними государями, не отменялись без особой надобности. А так как они были рождены совсем в другую эпоху, эпоху удельной монархии, то мешали становлению абсолютизма. Поэтому аристократия в своей антиабсолютистской фронде, то затухавшей, то разгоравшейся снова, апеллировала к старине.

Как бы то ни было, заинтересованность мелкого и среднего дворянства в уничтожении сословных ограничений, социальном росте за счет аристократии, а также в укреплении крепостного права (мелкий дворянин, в отличие от крупного аристократа, не имел достаточных механизмов и возможностей, чтобы удержать крестьян добровольно или силой – особенно после начала колонизации на восток) совпала с интересом царской власти, который заключался в укреплении самодержавия. Вследствие совпадения этих интересов Петр I в своих реформах опирался на такую социальную базу, как мелкое и среднее дворянство, а оно, в свою очередь, нашло в политике царя отражение своих интересов, своей коллективной воли. Собственно говоря, Петр

выполнил социальный наказ класса, на который он опирался. Табель о рангах дала возможность любому дворянину дорасти до самых высоких чинов государства, а петровское «упорядочивание» сословий решительно закрепило институт крепостного права.

Однако Петр I не являлся пассивным исполнителем воли социальных сил, заинтересованных в его реформах. Описанные интересы мелкого дворянства были актуальны еще в период Смуты и вследствие ослабления (а по большей части физического угасания) старых аристократических родов в принципе могли быть реализованы. Но для этого понадобилась активная роль царской, государственной власти. Более того, нужно понимать, что желания нетитулованного дворянства не были реализованы в полной мере: аристократия сохранила определенную часть привилегий, и во многом это было следствием деятельности государственной власти, старавшейся соблюдать определенный баланс в регулировании противоречивых интересов социальных групп и классов. Другое дело, что привилегии титулованной аристократии уже не сдерживали продвижение абсолютистских тенденций в политике царской власти.

Таким образом, роль государственной власти нельзя сводить лишь к пассивному выражению интересов наиболее влиятельных групп. Приведенный пример показывает, что государственная власть в своих интересах, правильно или нет (на уровне представлений той эпохи) воспринимавшихся как интересы всего общества, своей реформаторской деятельностью реализовала интересы определенного класса, причем настолько, насколько считала нужным. Это вполне активная позиция государства. В ситуации китайских реформ роль государства проявляется еще решительнее: исходя из политико-экономических интересов страны государство создало условия для формирования в китайском обществе 1970-х гг. совершенно новых социальных групп, которые, в свою очередь, активно поддерживали реформы. То есть, основываясь на марксистской традиции, можно сделать вывод, что, несмотря на классовый характер любой государственной власти, на то, что она выражает интересы наиболее влиятельных групп общества, нельзя отрицать и ее определенную (иногда весьма высокой степени) самостоятельность, ее деятельную роль в конфигурации социально-экономических изменений.

Выше мы рассмотрели, как и почему происходят социально-экономические изменения в их классическом виде, причем на историческом материале продемонстрировали конкретные примеры взаимодействия государственной власти и влиятельных социальных групп общества, имеющих свои интересы. Однако анализ реалий постсовет-

ских обществ и иных обществ, не принадлежащих к ядру капиталистического мира, демонстрирует, что на практике ситуация складывается намного сложнее. И это прямо связано с процессами глобализации. Хотелось бы заметить, что глобализация обычно рассматривается достаточно многозначно. С экономической точки зрения под глобализацией понимается появление глобального рынка на месте довольно слабо связанных региональных рынков, распространение единой системы разделения труда на весь мир и изменения структуры хозяйства. С социологической же точки зрения под глобализацией следует понимать процессы, в результате которых социальные институты приобретают глобальный характер. Под глобальным характером социальных институтов как моделей социальных взаимодействий подразумевается ситуация, когда они формируются на базе доминирующих тенденций в экономической жизни наиболее влиятельных и богатых государств мира, но распространяются на весь мир. Собственно, это и лежит в основе унификации в экономике, социальной сфере и культуре. Вследствие этого на мировой периферии возникает противоречие между социально-экономическими институтами, сформированными на базе особенностей общественного производства доминирующих стран Запада, и институтами, которые являются продуктом типизации отношений, реально осуществляющихся в периферийных обществах. Вследствие того, что первые, как правило, выражены в форме объективации второго порядка, т. е. осознаны и обоснованы научно и идеологически, а вторые – нет, конкретные формы организации в периферийных обществах нередко строятся на базе первых. При этом государственная власть в лице политиков и чиновников, хорошо знакомых с мировыми идеологическими и политическими течениями и тенденциями, но в меньшей степени соприкасающихся с непосредственной экономической жизнью, играет в этом определяющую и неоднозначную роль.

Само представление о возможности строить систему взаимодействий людей в тех или иных сферах в соответствии с институтами, выработанными в так называемых современных странах, игнорирует тот факт, что социально-экономические институты базируются на конкретных формах общественного производства. Поэтому, не имея возможности скопировать особенности производственной системы (а это затруднительно хотя бы потому, что страны периферии имеют отличную

от доминирующих стран позицию в глобальной системе разделения труда), бессмысленно пользоваться означенными институтами для выстраивания общественных и экономических отношений в своем обществе.

Данная тенденция касается не только экономики, но и системы образования, реформ политической системы, военной сферы, организации социальных служб и многого другого в современных постсоветских обществах. Например, в армии сегодня в моде переход на контрактную систему, что для сравнительно небогатого (например, российского) государства, обладающего самой большой сухопутной границей в мире, крайне затруднительно. То же касается и платной медицины, которая стремительно распространяется на постсоветском пространстве и которую не может поддерживать население с относительно низким уровнем доходов, во всяком случае, достаточно массово. Попытка в Российской Федерации увеличить долю платных автодорог настолько поднимет транзакционные издержки, что это отрицательно скажется на состоянии экономики такой огромной страны. Доходит до смешного: например, введение для характеристики погодных условий цветowych уровней опасности, принятых в западном мире, которые ничем не лучше цифровых обозначений, использовавшихся ранее. Эта ситуация напоминает проявление карго-культа¹.

На приведенных выше примерах можно наблюдать три явления: во-первых, глобальный характер утвердившихся общественных представлений и социальных институтов, которые вступают в противоречие с глобальной системой разделения труда, предопределяющей различные типы и формы экономической организации в разных странах; во-вторых, наличие интересов относительно молодого буржуазного класса в постсоветских обществах, заинтересованного в расширении рынков; в-третьих, расширение рынков за счет вовлечения в рыночный оборот сфер, ранее в него не включавшихся ввиду неспособности и невозможности расширять их географически.

Но проблема усугубляется тем, что сегодня непосредственные интересы капитала противоречат его долгосрочным интересам. Вторжение рыночных отношений во многие сферы деятельности, ранее рынком не затронутые, ведет к увеличению транзакционных издержек. Платная медицина, платные автодороги, перманентно платное модульное образование – все это в перспективе сде-

¹Религия «самолетопоклонников», или культ Даров небесных, – термины, которыми называют группу религиозных движений в Меланезии. В культах карго верят, что западные товары созданы духами предков и предназначены для меланезийского народа. Считается, что белые люди нечестным путем получили контроль над этими предметами. В культах карго проводятся ритуалы, похожие на действия белых людей, чтобы этих предметов стало больше. В переносном смысле под карго-культом подразумевается вера в то, что копирование формальной стороны тех или иных социальных практик западных обществ обеспечит меланезийцам такое же благосостояние, как и у белых.

лает трансакционные издержки в периферийных экономиках неподъемными. К сожалению, состояние современного капитализма таково, что горизонты планирования, сами возможности долгосрочных стратегий сведены к минимуму. Капитал сегодня существует по принципу «день простоять да ночь продержаться». И то, что распространение рыночных отношений на ранее нерыночные сферы в результате роста трансакционных издержек в перспективе приведет к сжатию рынков в целом и ухудшению деловой ситуации, не учитывается и не может быть учтено агентами рынка.

Каковы же пути решения описанных проблем? В первую очередь, необходим рациональный подход к ним. К сожалению, в общественном сознании сегодня господствуют идеологические, ценностно окрашенные установки. Например, под негласный запрет попали такие понятия, как классы, классовые и групповые интересы (которые часто противоположны для социальных групп), борьба классов и социальных групп. Но если понимать, что возможны противоположные интересы, нелепо не признавать, что эти группы и классы будут противостоять друг другу. Однако запрет на адекватное изучение общества под идеологическими лозунгами «единства» сродни поведению страуса, прячущего голову

в песок. Власть, государственная система, устойчивость которой прямо зависит от способности согласовывать разные, даже противоположные интересы разных классов и общественных групп, должна иметь о них максимально адекватные, рациональные представления, минимально ценностно и идеологически окрашенные. Впрочем, даже выражая интересы доминирующих, наиболее влиятельных классов и социальных групп, государственная власть должна понимать такое свойство современного капитала, как его крайне ограниченная способность к стратегическим действиям. Даже если следовать марксистскому представлению о государстве как аппарате господства правящего класса, необходимо понимать, что государство должно выражать не непосредственные интересы этого класса, а его стратегические интересы. И в такой ситуации государственный интерес вполне может вступать в конфликт с непосредственными интересами тех или иных групп. Именно способность действовать согласно стратегическим интересам общества и наиболее влиятельных классов и социальных групп, а не послушно исполнять непосредственную волю лоббистских группировок и определяет качество государственного управления экономикой.

Библиографические ссылки

1. Смирнов ВЭ. Диалектика социального института. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:23–33.
2. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е., переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
3. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 19*. Москва: Политиздат; 1961. 670 с.
4. Полякова НЛ. *XX век в социологических теориях общества*. Москва: Логос; 2004. 378 с.
5. О торговом балансе между Китаем и США (Белая книга) [Интернет; процитировано 27 января 2019 г.]. Доступно по: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm>.
6. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Турчинс ЯБ, редактор. Москва: Политиздат; 1955. 629 с.

References

1. Smirnov VE. Dialectics of social institute. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:22–33.
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
3. Marx K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 19* [Works. Volume 19]. Moscow: Politizdat; 1961. 670 p. Russian.
4. Poljakova NL. *XX vek v sotsiologichesk ih teorijah obschestva* [The 20th century in sociological theories of society]. Moscow: Logos; 2004. 378 p. Russian.
5. About trade balance between China and the USA (White Paper). [Internet; cited 2019 January 27]. Available from: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm>. Russian.
6. Marx K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Moscow: Politizdat; 1955. 629 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.02.2019.
Received by editorial board 12.02.2019.